

Дебби и Кеннету посвящается

Была ужасная пора,
Об ней свежо воспоминанье...
Об ней, друзья мои, для вас
Начну свое повествованье.
Печален будет мой рассказ.

А. С. Пушкин. Медный всадник

Благодарности

Я работал над этим проектом — с перерывами — 30 лет. За это время я получал помощь, советы и поддержку от многих ученых и коллег. Рекс Уэйд, Рон Суни и Марк Стейнберг постоянно поддерживали меня в работе над этой книгой. Я очень много почерпнул из обсуждений на конференциях и из оживленной переписки с Майклом Хики, Дэниелом Орловски, Сарой Бэдкок, Алистером Дикинсом, Рексом Уэйдом и Семеном Ляндресом. Российские ученые, особенно Борис Колоницкий, Владимир Черняев и Владислав Аксенов, также оказали мне щедрую помощь. Мой друг и коллега Алексей Кулегин из Государственного музея политической истории тоже много мне помогал и вычитал раннюю редакцию этой рукописи.

Я также хочу выразить огромную признательность двум российским ученым старшего поколения: Виталию Ивановичу Старцеву, который курировал мое исследование на раннем этапе и помог мне получить доступ в советские архивы, когда они были практически закрыты для зарубежных ученых, и покойному Рафаилу Шоломовичу Ганелину, который тоже оказывал мне постоянную помощь и поддержку. Мне жаль, что их больше нет среди нас и они не могут увидеть плоды этих усилий.

Я нахожусь в огромном интеллектуальном долгу перед своим другом и коллегой Андреем Борисовичем Николаевым, чьи новаторские работы о многочисленных аспектах Русской революции стали для меня бездонным источником вдохновения. Также я бесконечно многим обязан Екатерине Сергеевне Гавроевой, которая оказала мне неоценимую помощь в поиске труднодоступных источников, копировании важнейших материалов

и иллюстраций и проверке недостающей информации, относящейся к материалам, недоступным в Соединенных Штатах.

Я выражаю благодарность двум анонимным рецензентам издательства Harvard University Press, прочитавшим первоначальную редакцию этой книги. Благодаря их ценным замечаниям в исходную рукопись книги были внесены существенные изменения.

Я также имел удовольствие многократно обсуждать различные аспекты этой книги со своими коллегами и друзьями. Упомяну здесь лишь некоторых из них: Адрианна Эдгар, Майкл Урбан, Синтия Каплан, Джон Круз, Кен Мур, Джек Тэлбот, Харольд Маркузе, Джон Ли, Сьюзен Гудман и Майкл и Маргарет Герцен.

Я являюсь представителем японской исторической школы, и в ходе работы над этой книгой многие мои коллеги-японцы делились со мной ценными советами, идеями и предложениями. Хочу отдельно поблагодарить одного из них, Ваду Харуки, который всегда был для меня примером ученого и публичного историка. Мой друг и коллега Уэмура Тадао, автор многочисленных работ о Вико, Грамши, Кроче и других мыслителях, всегда вдохновлял меня своим творчеством. Нашу дружбу с Уэмурой и Ито Такаюки, начавшуюся еще в университетские годы, я ценю как подлинное сокровище.

В работе над этой книгой мне помогли многие фонды, выделившие щедрые гранты и стипендии. Фонд Рокфеллера предоставил мне возможность поработать в их великолепном Центре Белладжио. Благодаря фонду Лихачева и Елене Витенберг я смог возобновить свои поиски в архивах и библиотеках Санкт-Петербурга. Стипендия Фулбрайта позволила мне провести четыре бесценных месяца в Санкт-Петербурге, занимаясь исследованиями в архивах и библиотеках. На завершение этого проекта у меня ушло много времени, но я счастлив наконец выразить благодарность всем этим организациям за их поддержку.

Также хочу поблагодарить архивистов и библиотекарей в ЦГА СПб, ЦГИА СПб, Российской национальной библиотеке (бывшей Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина, особенно ее газетному отделу на Фонтанке), Библиотеку Академии наук, Музей политической истории в Санкт-Петербурге (бывший

Музей Революции), Библиотеку Российского педагогического университета имени А. И. Герцена, ГАРФ, Музей современной истории России в Москве (бывший Музей Революции), Российскую государственную библиотеку (бывшую Библиотеку имени Ленина) и Государственную публичную историческую библиотеку в Москве (ГИПБ). Также важными источниками для меня были два архива в Соединенных Штатах Америки: Бахметевский архив в Колумбийском университете и архив Гуверовского института; я благодарен за помощь всем архивистам, и особенно Тане Чеботарев из Бахметевского архива.

Мои студенты и аспиранты из Калифорнийского университета в Санта-Барбаре — Джон Кончолла, Мария Федорова, Илья Бобков и Анастасия Невякина — помогли мне с библиографией, компьютером и переводами.

Кэтлин Макдермотт из издательства Harvard University Press с самого начала оказывала мне неоценимую поддержку. Мой бесподобный выпускающий редактор Саймон Ваксман прочел черновой вариант этой рукописи и помог мне ясно изложить мои аргументы. Изабель Льюис составила две чудесные карты, которые вы видите в этой книге. Наконец, я хочу поблагодарить за редактуру этого текста Джудит Риотто и Дебору Маси из Westchester Publishing Services.

Также хочу поблагодарить издательство Academic Studies Press за возможность познакомиться с этой книгой русскоязычных читателей и Илью Нахмансона за великолепный перевод. При работе над русским изданием мне пришлось вновь обратиться к подробным заметкам к этой книге, которые я передал в дар отделу Специальных коллекций при Библиотеке Калифорнийского университета в Санта-Барбаре. Несмотря на всю утомительность поисков исходных русских цитат в несистематизированном скоплении моих записей, хранящихся в нескольких коробках, я был счастлив вновь ознакомиться со всеми теми заметками и материалами, которые так и не попали в финальный вариант этой книги. На меня произвела огромное впечатление позиция всех тех журналистов, которые в различных газетах, закрываемых цензурой, но вновь возрождающихся под другими

названиями, детально описывали безжалостное уничтожение большевистским Левиафаном гражданского общества, в основе которого лежало уважение к правам человека. Я смотрю на свои написанные от руки пометки к их статьям — когда я их делал, не существовало ни сканеров, ни цифровых камер — и вновь испытываю глубочайшее уважение к этим давно забытым людям, которые представляли собой совесть России, будучи алмазами в куче пепла. Их беззаветная преданность правам человека в ситуации, когда шансы на победу в этой битве были минимальными, и стала главной причиной того, что у меня пробудился интерес к русской истории, и их яростный протест против жестокости и зверств, свидетелями которых они были, побуждает меня сегодня воскликнуть, подобно Вольтеру: “Écrasez l’infâme!”¹

Однако в первую очередь я хочу сказать спасибо своей жене Дебби Стейнхофф, которая 30 лет прожила с этим исследованием, прозванным ею «проект “Самосуды”», которая прочла все, что я когда-либо написал, и дала мне множество ценных советов и идей. Моя жена была самым счастливым человеком на свете, когда эта книга была опубликована и она смогла наконец попрощаться с «самосудами». Спасибо и моему сыну Кеннету, который всю жизнь прожил бок о бок с этим проектом и помогал мне решать различные проблемы с компьютером.

Дебби и Кеннету я и посвящаю эту книгу.

¹ «Раздавите гадину!» — лозунг Вольтера, ставший крылатым выражением.

Карты и иллюстрации

Глава 1

Рис. 1.1. Петроград, 1917. Источник: составлено автором

Рис. 1.2. Административные районы Петрограда. Источник: составлено автором

Таблица 1.1. Преступность в Петрограде, 1914–1915

Источники: Городские преступления за 1915 год. С. 941–942; Городские преступления за 1915 год. Продолжение. С. 957–958.

Глава 2

Рис. 2.1. Толпа на Невском проспекте после Февральской революции. Источник: Огонек. 1917. 2 апр. (№ 12). С. 4.

Рис. 2.2. Кражи, апрель — октябрь 1917 года. Источники: [Ерещенко 2003]; Преступность в Петрограде в 1914–1917 гг. С. 115.

Рис. 2.3. Незаконные обыски, март — октябрь 1917 года. Источники: [Ерещенко 2003]; Преступность в Петрограде в 1914–1917 гг. С. 120.

Рис. 2.4. Грабежи, март — октябрь 1917 года. Источники: [Ерещенко 2003]; Преступность в Петрограде в 1914–1917 гг. С. 124.

Рис. 2.5. Убийства, март — октябрь 1917 года. Источники: [Ерещенко 2003]; Преступность в Петрограде в 1914–1917 гг. С. 126.

Рис. 2.6. Граждане защищаются от грабителей. Источник: Огонек. 1917. 22 окт. (№ 41). С. 17.

Глава 3

Рис. 3.1. Карикатура, показывающая, как в общественном восприятии изменился характер совершаемых преступлений. Источник: Стрекоза. 1917 Июнь (№ 24). С. 8.

Рис. 3.2. Хороший тон 1917 года. Источник: Новый Сатирикон. 1917. Июнь (№ 19). С. 13.

Рис. 3.3. Падение девы-свободы. Она предстает в полном блеске своей славы 27 февраля (левая картинка), празднично проводит время 3 июля (центральная картинка) и, наконец, в пьяном виде шляется по улицам 12 октября (правая картинка). Источник: Огонек. 1917. 22 окт. (№ 41). С. 17.

Глава 4

Рис. 4.1. Карикатура «Разумная паника» иллюстрирует растущее недоверие общества к городской милиции. Подпись под рисунком гласит: «В чем дело? Почему такая паника?» — «А это, видите ли: милиционер ружье рассматривает...» Обратите внимание на нарукавную повязку с аббревиатурой ГМ (городская милиция). Источник: Новый Сатирикон. 1917. Май (№ 17). С. 7.

Рис. 4.2. Загадочная картинка. Источник: Новый Сатирикон. 1917. Июль (№ 20). С. 27.

Рис. 4.3. Безвыходное положение. Источник: Петроградский листок. 1917. 10 окт.

Рис. 4.4. Осторожность нужна всегда. Источник: Новый Сатирикон. 1917. № 40. С. 3.

Глава 5

Рис. 5.1. Случаи самосуда, март — октябрь 1917 года. Источники: [Ерещенко 2003]; Преступность в Петрограде в 1914–1917 гг. С. 117.

Глава 6

Рис. 6.1. Владимирова Иван Алексеевич. Погром винного магазина (Петроград, январь 1919). Источник: Ivan Alekseevich Vladimirov Paintings. Box 1, Painting 15. Hoover Institution, Library and Archives, Stanford University.

Календари

В тексте этой книги я привожу даты согласно юлианскому календарю. Россия перешла с юлианского на григорианский календарь при большевиках в феврале 1918 года. Когда в тексте указаны две даты, первой я привожу дату по юлианскому календарю, а за ней в скобках дату по григорианскому календарю. Например: 1 (14) марта 1917 года.

Введение

4 марта 1917 года Россия родилась заново. Февральская революция завершилась. Царь Николай II отрекся от престола, положив конец ненавистой монархии. Было сформировано новое — Временное правительство, сменившее прежний режим. Люди из всех слоев общества хлынули на улицы Петрограда, столицы империи. Опыанные радостью, они приветствовали всех встречных так, словно наступила Пасха, только вместо «Христос воскрес» кричали «Самодержавие пало!» [Колоницкий 2012: 57–87].

Год спустя власть принадлежала большевикам. Годовщина Февральской революции в Петрограде никак не отмечалась. Не было ни демонстраций, ни флагов, ни речей. Город был пуст и тих. Прохожие, оказавшиеся в эту особенно холодную и промозглую зиму на улице под серым низко нависшим небом, торопились как можно скорее оказаться дома. Пряча головы в воротниках пальто и низко надвинув на глаза шляпы, они избегали смотреть по сторонам¹.

Как же так случилось, что эйфория марта 1917 года так быстро сменилась горьким разочарованием? Причина тому — катастрофические социальные потрясения, последовавшие за Февральской революцией. Временное правительство уничтожило существовавшую систему уголовного правосудия, но не смогло аде-

¹ Вечернее слово. 1918. 23 марта (3 апр.). Здесь и далее даты газетных публикаций указаны сначала по старому, а затем по новому стилю. Подробнее о разнице между старым и новым стилем см. во вводной части, раздел «Календари».

кватно ее заменить. Петроград захлестнула волна преступности, нарушений закона становилось все больше, и они носили все более тяжкий характер. Карманники превратились в грабителей. Взломщики превратились в убийц. Народ верил, что торговцы используют дефицит и экономический упадок для того, чтобы еще сильнее обобрать население, и так страдающее от введения карточек и недостатка еды и других товаров. Чтобы обрести порядок и безопасность, которые не могла обеспечить власть, петроградцы обратились к самосуду. Стремясь залить свои беды алкоголем, толпы перевернули город вверх дном в поисках вина и водки, что, в свою очередь, привело к еще более разрушительным погромам.

Для того чтобы понять, как все пришло к такому печальному исходу, я исследую в этой книге процесс реорганизации института полиции после Февральской революции, последовавший за этим рост преступности и реакцию на все это обычных людей. Сначала в фокусе моего внимания будут первые восемь месяцев правления Временного правительства (с марта по октябрь), и затем первые пять месяцев большевистского режима от Октябрьской революции и до переноса столицы государства из Петрограда в Москву. Я подробно анализирую положение дел в Петрограде, поскольку это был эпицентр Русской революции и потому, все что происходило там, оказывало существенное воздействие на остальную империю.

Все это позволяет по-новому взглянуть на события того времени. Другие историки, труды которых имеют большую ценность, анализируя крах Временного правительства и пришествие к власти большевиков, акцентировали свое внимание на действиях политических элит и общественных движениях. Такой подход ставит во главу угла устремления и поступки политиков, интеллектуалов и организованных групп заговорщиков с четкой идеологией, которые стремились донести свою позицию до русского общества. Однако тем самым игнорируются широкие народные массы, для которых идеология играла куда менее важную роль, чем вопрос повседневного выживания. Смещая фокус внимания в сторону обычных людей, мы обогащаем нар-

ратив Русской революции и открываем для себя возможность постижения скрытых сил и механизмов, лежавших в основе становления Советского государства, которое слишком часто воспринимается как результат исключительно идеологических и политических решений.

Мои соображения основаны на двух ключевых аргументах. Во-первых, распад института полиции, рост преступности и катастрофическое ухудшение повседневной жизни в Петрограде после Февральской революции способствовали падению авторитета Временного правительства. Люди были вынуждены жить в страхе за свои жизнь и имущество, и это время от времени приводило к вспышкам насилия и самосуду, которые, в свою очередь, еще больше усиливали царивший в городе хаос. В условиях разрушенной системы судопроизводства и плохой работы милиции привычным средством разрешения конфликтов стало грубое насилие. Беспредел, творившийся в Петрограде, решающим образом повлиял на работу Временного правительства, тщетно пытавшегося противостоять «центробежным» силам революции, в результате действия которых власть перетекла к низшим слоям общества. Случившийся в итоге крах общественного порядка создал условия, которыми воспользовались большевики.

Во-вторых, изучение описанного ранее роста преступности и социального коллапса позволяют нам свежим взглядом взглянуть на возникновение нового типа диктатуры, появившегося при большевиках. После Октябрьской революции насилие и уличное правосудие стали еще более частым явлением, и большевики не знали, как справиться с этой проблемой. На самом деле, они по большей части не вмешивались в происходящее, предполагая, что установление их социалистической утопии положит конец преступлениям. Однако в ноябре и декабре случились страшные винные погромы, на которые уже нельзя было закрыть глаза. В ответ на эти бунты большевики приняли ряд мер по защите правопорядка, мало чем отличавшиеся от тех действий, которые безуспешно пытались применить Временное правительство. Провалились они и теперь. Тогда большевики обратились

за помощью к ЧК², тайной и действующей вне рамок закона полиции, которая изначально была создана для борьбы с контрреволюционной оппозицией, а в сложившейся ситуации стала органом охраны правопорядка.

Таким образом, обычные люди стали жертвами ничем не сдерживаемого государственного насилия, совершавшегося не только ради соблюдения общественного порядка, но и во имя социализма и советской власти. Такое положение вещей стало нормой на десятки лет. Опять-таки, идеология и политические соображения сыграли важную роль в становлении Советского государства, но, помимо этого, были и другие факторы: социальный коллапс, вызванный ростом преступности и уличным правосудием, и ответные меры властей. Анализируя преступность и работу правоохранительных органов на раннем этапе большевистского правления, мы сможем лучше понять, как этот режим создал новый тип автократического государства, поскольку Советский Союз, в отличие от традиционной монархии, не только защищал ригидный центр власти, но и крайне насильственными методами насаждал в низших слоях общества единую идеологическую парадигму. Такой тоталитаристский подход полностью противоречил тем децентрализующим тенденциям революции, которые существовали на момент приход большевиков к власти. Все это было наследием повседневного хаоса, возникшего в первый год революции.

Историография Русской революции

Интерпретации исторических событий меняются в зависимости от требований времени и условий, в которых работают исследователи. В случае с Русской революцией споры между историками носили особенно ожесточенный, непримиримый

² Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) при Совете народных комиссаров РСФСР — специальный орган безопасности Советского государства. Комиссия была создана 7 (20) декабря 1917 года. — *Примеч. пер.*

и эмоционально окрашенный характер, поскольку касались природы Советского Союза как такового. На кону стояло слишком многое.

Рекс Уэйд, изучая историографию Русской революции в канун ее 100-летия, выделял четыре основных тренда, доминировавших в англоязычных исследованиях, посвященных Русской революции³. До середины 1960-х годов эти работы по большей части были посвящены политической истории. В них делался акцент на роль политических партий, их лидеров и идеологий. Авторы этих трудов волновал вопрос, как большевикам удалось захватить власть и почему либерально-демократическая революция, за которую выступало Временное правительство, потерпела неудачу.

В 1970-х и начале 1980-х годов на первый план вышла социальная история, что существенно изменило историографический ландшафт. Социальные историки писали историю революции снизу вверх, уделяя особое внимание народным массам — главным образом рабочим, крестьянам и солдатам. Эти историки бросили вызов превалировавшей ранее точке зрения, согласно которой большевистская революция была переворотом, организованным беспринципными агитаторами по главе с Лениным, манипулировавшими невежественными и необразованными народными массами с помощью демагогии. Социальные историки обнаружили, что в основе Октябрьской революции лежали мощные общественные движения. Народные массы были не невежественными и необразованными пешками в руках политиков, а активными участниками революции, которые выдвига-

³ Самый свежий и подробный обзор историографии Русской революции см. у Уэйда [Wade 2016]. За пределами Советского Союза наибольший интерес Русская революция вызывала у англоязычных историков. Это вовсе не умаляет достоинств работ, написанных другими историками, особенно во Франции, Германии, Израиле и Японии. Обзор всех этих трудов — важная и интересная задача, лежащая, однако, вне рамок данного исследования. Хочу только отметить, что мой изначальный интерес к этой теме возник под влиянием работ японских историков 1960-х годов. Я бы не простил себе, если бы забыл упомянуть о том, сколь многим я обязан японской исторической школе.

ли свои требования и предпринимали действия, чтобы добиться своего⁴. Таким образом, Октябрьское восстание было не переворотом, а подлинной революцией, в которой воплотились чаяния российского народа. Социальная история не утратила своей актуальности и сегодня, и мое исследование тоже в какой-то степени продолжает эту традицию⁵. Однако, как станет ясно в дальнейшем, эта книга существенно уходит от канонов ранней социальной истории.

В 1990-х годах под влиянием лингвистического и культурного поворотов в американской и европейской исторической науке сформировалось новое направление. Историков начали особенно интересоваться такими явлениями, как язык, символы и ритуалы. Они изучали, «как язык и символы эволюционируют, используются для анализа событий, формируют групповые идентичности, определяют соотношение сил, маркируют “нас” и “их” и помогают добиваться достижения политических, экономических или культурных целей» [Wade 2016: 19]⁶. В контексте русской истории исследователи анализировали распространение и использование таких слов, как «буржуи», «товарищи», «равенство», «свобода» и «демократия». Они обращали внимание на визуальные и звуковые символы — флаги, нарукавные повязки, плакаты, одежду, революционные песни, лозунги и так далее — а также на ритуалы. Обращение к методам лингвистики и культурологии в дальнейшем привело к новым принципам определения социальных групп: историки отказались от прежних односторонних формулировок, основанных на «средствах производства», и стали использовать вместо них такие инструменты, как «дискурс» и «идентичность». Этим исследователей больше интересовало то,

⁴ Список монографий на эту тему слишком обширен, чтобы приводить его здесь. Подробнее об этом см. у Уэйда [Wade 2016; Wade 2000] и Актона, Черняева и Розенберга [Acton, Cherniaev, Rosenberg 1997].

⁵ Исследователи, работающие в русле социальной истории, начали изучать то, как происходила революция в провинциях России. О монографиях и статьях на эту тему см. у Уэйда [Wade 2016: 30–33].

⁶ Лучшая работа в рамках этого направления была написана Файджесом и Колоницким [Figes, Kolonitskii 1999].

как одни люди «идентифицировали» себя по отношению к другим [Smith 1997: 1].

В начале XXI века под влиянием дискуссий о современном национализме и межэтнических конфликтах исследователи начали помещать русский «революционный раскол» в более широкий мировой и исторический контекст. В этих работах обычно анализируется период с 1914 по 1922 год, включающий в себя Первую мировую войну, Русскую революцию и последующую Гражданскую войну. Новое поколение историков воспринимает Русскую революцию как переходный этап от мировой войны к гражданской. Оно уделяет особое внимание мобилизации, национализму и межэтническим конфликтам, сравнивая и анализируя истории различных народов, которые оказались втянуты в войну и революцию. Наиболее ярким воплощением этого подхода к изучению истории является многотомная серия книг «Russia's Great War and Revolution» («Великая война и революция в России») — проект, в работе над которым принимают участие десятки ученых из различных стран и континентов⁷.

Советские и российские историки следовали другим путем. Несмотря на связывавшие их идеологические путы, советские историки, особенно из Ленинградской исторической школы, начали в 1960-е годы публиковать важные исторические работы и сборники документов⁸. Впоследствии они осторожно устано-

⁷ Этот подход приобрел популярность у историков после выхода основополагающего труда Питера Холквиста [Holquist 2002]. На момент написания этой книги в серии “Russia's Great War and Revolution” вышло пять книг: «Russia's Culture in War and Revolution» («Культура России в период войны и революции», тома 1 и 2); «The Empire and Nationalism at War» («Империя и национализм в состоянии войны»); «Russia's Home Front in War and Revolution» («Тыл России в период войны и революции», тома 1 и 2).

⁸ У меня нет возможности в рамках этого исследования сделать подробный анализ советской историографии Русской революции. Однако я не могу не упомянуть о попытках публикаций на эту тему, предпринимавшихся в 1920-х годах до того, как советская историческая школа стала жертвой сталинского идеологического единomyслия. Я пишу здесь только о периоде, начавшемся с 1960-х годов, когда советские историки стали издавать серьезные труды о Русской революции, избавившись от прежних идеологических оков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru